

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ КАК ЖАНРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ЕГО КОНТЕНТА НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается политическое интервью как жанр политического дискурса. Авторское внимание заостряется на обобщении подходов к интерпретации политического дискурса и характеристике политического телеинтервью как предмета анализа. В целях выявления взаимообусловленности степени продуктивности политического дискурса и характера электоральной активности с помощью методологического инструментария политической лингвистики и политической коммуникативистики, основываясь на базовых положениях теории дискурса, анализируются телевизионные интервью Председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой. Автор обобщает особенности политического телеинтервью; в качестве базовых элементов исследования политического телеинтервью определяются анализ стратегии дискурса и модели коммуникативного поведения.

Ключевые слова: политическое интервью, политическое телеинтервью, политический дискурс, электоральная активность, стратегия дискурса, модель коммуникативного поведения, ЦИК России.

ABOUT THE POLITICAL INTERVIEW AS A GENRE OF POLITICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF THE INFLUENCE OF ITS CONTENT ON ELECTORAL ACTIVITY

Abstract. The article considers the political interview as a genre of political discourse. The author's attention is focused on the generalization of approaches to the interpretation of political discourse and the characterization of political television interviews as the subject of analysis. In order to identify the interdependence of the degree of productivity of political discourse and the nature of electoral activity using the methodological tools of political linguistics and political communication studies, based on the basic principles of the theory of discourse, television interviews of the Chairman of the CEC of Russia, Ella A. Pamfilova are analyzed. The author summarizes the features of political television interviews, as the basic elements of the study of political television interviews, an analysis of the discourse strategy and the model of communicative behavior is determined.

Keywords: *political interview, political television interview, political discourse, electoral activity, strategy of discourse, model of communicative behavior, CEC of Russia.*

Постановка проблемы и описание исследовательского инструментария

Накануне дня проведения общероссийского голосования по поправкам в Конституцию Российской Федерации 1 июля 2020 года информационное пространство заполнилось соответствующими тематическими сюжетами. В особенности централизация проблематики подготовки к голосованию в масс-медиа была зафиксирована в эфире телевизионных каналов. С учетом того, что на современном этапе истории среди распространенных сегодня средств массовой коммуникации телевидение имеет наиболее широкую аудиторию, преобладающую силу коммуникативного воздействия и, во многом благодаря оперативности, визуализации и «эффекту присутствия» [1, с. 144], является самым действенным инструментом управления мировоззрением личности, проблема влияния ретранслируемого информационного контента на уровень и характер электоральной активности представляется более чем актуальной. Особый исследовательский интерес при этом представляет обращение к анализу политического интервью как одного из жанров политического дискурса.

Объектом настоящего исследования является политический дискурс. В качестве непосредственного *предмета* исследовательского внимания выступает политическое телеинтервью в контексте влияния его содержания на электоральную активность в преддверии общероссийского голосования по поправкам в Конституцию Российской Федерации.

Цель предлагаемой статьи состоит в выявлении взаимообусловленности контента ретранслируемых посредством теле вещания политических интервью и электоральной активности путем оценки степени продуктивности объекта исследования. Для ее достижения выполняется комплекс задач, включающих в себя обобщение доминирующих подходов к интерпретации политического дискурса; конкретизацию политического телеинтервью в качестве предмета анализа; анализ политических интервью, критерии отбора которых обусловлены сформулированной исследовательской целью.

В методологическом отношении автор опирается на политико-коммуникативный и бихевиористский подходы, а также арсенал методов политической лингвистики. Авторские доводы базируются на основных положениях теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа, в соответствии с которыми любой вид социальной практики, в том числе, и политической, дискурсивен [2].

Цель исследования обусловила выбор *эмпирической базы*, которая ограничена телевизионными интервью Председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой, вышедшими в эфир накануне основного дня общероссийского голосования, а именно интервью журналисту В.В. Познеру в рамках авторской програм-

мы «Познер» 29 июня 2020 года. В качестве вспомогательного материала для анализа рассматриваются небольшие по хронометражу телевизионные интервью Э.А. Памфиловой, данные в рамках информационно-аналитических и информационно-развлекательных программ телеканалов РЕН ТВ и НТВ, соответственно, в период, предшествующий дате общероссийского голосования, размещенные на официальном Youtube-канале РЦОИТ при ЦИК России «Просто о выборах».

Рабочая гипотеза строится на следующем предположении: степень продуктивности публичного дискурса государственных деятелей, олицетворяющих избирательную систему Российской Федерации, детерминирует уровень и характер электоральной активности.

Доминирующие подходы к интерпретации политического дискурса

В общепринятом представлении дискурс обозначает речь и процессы языковой деятельности, в соответствии с которыми данное понятие целесообразно рассматривать в качестве единицы понятийно-категориального аппарата лингвистики. В то же время, признавая его более широкую семантику, упомянем о вариациях трактовок данного термина в истории философии, а именно во французской философии постмодернизма и постструктурализма. Согласно постмодернистской теории М. Фуко, порядок дискурса выражен в конкретно-историческом состоянии дискурсивной среды, конституирующемся в качестве результата социокультурной детерминации соответствующих (дискурсивных) практик; сам же дискурс у французского мыслителя представлен совокупностью речевых практик в историческом контексте, присущей определенной социально-политической группе или эпохе [3].

Постструктуралист Т. Ван Дейк понимал под дискурсом «сложное коммуникативное явление, включающее в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках) так и о процессах производства и восприятия сообщения» [4, с. 113].

Именно приведенные положения позволяют открывать гносеологический потенциал различных видов дискурса, в том числе и политического. Важнейшим логическим следствием при этом является объективация процесса смены парадигм, результирующегося в утверждении главенства парадигмы контроля и манипуляции информацией, что является системообразующей характеристикой современного общества медиапотребления.

В современной научной литературе проблематика политического дискурса находит свое отражение в наличии множества смысловых интерпретаций объекта исследования. В частности, Ю.В. Ключев в рамках анализа онтологии и теории политического дискурса как аналитической (социальной) категории и коммуникативного (диалогического) инструментария изучает дискурс как политическую речь и политическое действие, сферу коммуни-

кативных контактов, инструмент и результат деятельности средств массовой коммуникации, демонстрируя при этом взаимосвязь и взаимозависимость политического дискурса и социальной информации [5].

Значение фактора конкретной ситуации в политическом дискурсе подчеркивается А.Л. Рябовой, полагающей, что «продуктивность политического дискурса заключается в правильном выборе коммуникаторами лексических единиц, метафор и фразеологии, используемых для убеждения, достижения результата, создания эмоционального настроя, укрепления своего авторитета» [6].

В интересах дальнейшего раскрытия сформулированной исследовательской проблемы приведем также мнение О.В. Мингалевой, считающей, что используемые в политическом дискурсе метафорические единицы оказывают на участников коммуникации большое воздействие, являясь мощным и действенным средством коммуникативного управления, а метафора становится средством идеологического влияния [7].

Е.И. Шейгал отождествляет понятия «политический дискурс» и «политическая коммуникация», определяя при этом политический дискурс как своеобразную знаковую систему, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий [8].

В научной литературе распространено мнение, что «общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушать адресатам — гражданам сообщества — необходимость “политически правильных” действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса — не описать (т.е. не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [9, с. 58]. К особенностям политического дискурса относят пропаганду и манипуляцию как содержательную и инструментальную стороны политического процесса [10, с. 61].

На основании изложенного выше представляется очевидным, что политический дискурс целесообразно рассматривать в качестве коммуникативного действия, совокупности речевых актов в политических дискуссиях, содержательно наполненных набором логически связанных в семантическом отношении лексем, метафор и фразеологизмов, направленных на достижение эффекта убеждающего воздействия. Особое значение в современном обществе медиапотребления, на наш взгляд, имеет политический теледискурс, подчиняющий трактовку политических событий эффектам зрелищности и визуализации и воздействующий на общественное мнение.

Политическое телеинтервью как предмет анализа

Политическое интервью — один из наиболее распространенных жанров политического дискурса и отличается характерным своеобразием. Сложно не согласиться с позицией А.В. Романенко, считающей, что «своеобразие политического интервью обусловлено сочетанием в его характеристике

признаков, которые свойственны как политическому дискурсу, так и дискурсу СМИ, а также особенностями, присущими ему как диалогическому жанру» [11, с. 70]. Очевидно, что интервью может распространяться путем использования печатных средств массовой информации, радио, телевидения и Интернета.

При этом не лишним будет заметить, что особую специфику имеют политические телеинтервью, являющиеся предметом нашего анализа. Полагаем, что в качестве центральных элементов их исследования следует определить выявление стратегии дискурса и модели коммуникативного поведения. Под дискурсивной стратегией в науке понимаются потенциально возможные осуществления коммуникативно значимых действий в дискурсе и языковые способы их выражения [12]. По сути дискурсивная стратегия представляет собой совокупность лингвистических ресурсов, используемых оратором для максимизации эффекта своего послания и достижения конечной цели. Участники политических телеинтервью, в частности, могут прибегать к стратегии уклонения [13], а интервьюеры — брать на вооружение стратегии возражения, условных придаточных предложений, цитирования чужих мнений, несогласованности, критики политического курса, опасных пресуппозиций [14].

Нам представляется близким подход, предполагающий выделение трех стратегий политического дискурса: стратегии на понижение, стратегии на повышение, стратегии театральности [15]. В рамках соответствующего концепта *стратегия на понижение* направлена на дискредитацию оппонента, которым является политический противник; *стратегия на повышение* характеризуется желанием говорящего представить себя в выгодном свете, увеличить свою значимость в глазах электората; *стратегия театральности* подразумевает акцент на эффекте зрелищности [16].

Полагаем оправданным дальнейший анализ контента политических телеинтервью исходя из указанного критерия с его адаптацией к специфике предмета исследования, но с оговоркой, что приведенные типы стратегий наиболее органично применяются в предвыборном дискурсе. Мы же, ввиду специфики предмета исследования, имеем дело со случаем, когда речевое воздействие на адресата осуществляется адресантом, являющимся государственным деятелем, не преследующим цели получения политической власти. В то же время его публичные высказывания направлены на внесение когнитивных изменений и глубинных трансформаций в картину мира и системы ценностей адресата. Данный довод является подтверждением тезиса, заключающегося в том, что продуктивность дискурса государственных деятелей, олицетворяющих избирательную систему, опосредованным образом влияет как на уровень, так и на характер электоральной активности.

Политические телеинтервью официальных лиц (лиц, занимающих государственные должности) как предмет для анализа имеют свои особенности. Специфика указанной разновидности интервью обуславливается ограни-

ченностью интервьюируемого высказывать в диалоге или политической дискуссии собственную точку зрения по обсуждаемому вопросу. В ходе публичных выступлений политики (государственные деятели в особенности) находятся под пристальным вниманием аудитории и подвергаются перманентному риску закрепления за ними различного рода маркеров и «ярлыков». В случае, если речь идет о телевещании или трансляции посредством Интернета, то не исключена возможность тиражирования и бесконтрольного распространения неудачно сказанных фраз, а отдельные воспроизведенные лексемы могут вырваться из контекста в целях оказания влияния на имиджевые характеристики оратора. В связи с данной достаточно существенной вероятностью и принимая во внимание специфику предмета исследования, предлагаем адаптированные нами вариации стратегий на понижение, на повышение и театральности интерпретировать с учетом заданных параметров.

В качестве немаловажного компонента в ходе анализа политических телеинтервью мы также рассматриваем модель коммуникативного поведения, под которым традиционно понимаются нормы, традиции и особенности вербального и невербального общения того или иного народа, группы или личности [17]. Согласно мнениям, имеющимся в литературе, телеинтервью рассматривается как речевой жанр, а его исследование позволяет описать коммуникативное поведение журналистов и участников телеинтервью [18]. В целом, солидаризируясь с приведенной точкой зрения, отметим, что в телеинтервью, помимо речевого компонента с исследовательской точки зрения также вызывает интерес визуальный компонент, позволяющий обратить внимание на мимику, жесты, психические реакции интервьюируемого на задаваемые вопросы, нередко имеющие в рамках острой политической дискуссии неудобный или вовсе провокационный подтекст со стороны интервьюера.

Анализ интервью Председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой

В интересах исследования взаимозависимости публичного дискурса государственных деятелей и электоральной активности для анализа нами были отобраны отдельные телеинтервью Председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой, их последовательная характеристика представлена ниже.

***Гость Элла Памфилова. Познер.
Выпуск от 29.06.2020 / Первый канал***

Интервью отличает значительный хронометраж (52 мин. 26 сек.), в рамках которого затрагивается значительное количество тем. Первый вопрос, задаваемый интервьюером В. Познером, связан с фактическим началом политической карьеры интервьюируемой Э.А. Памфиловой в качестве

депутата Верховного Совета СССР в 1989 году. При этом интервьюером в ходе формулирования вопроса производится логическая связка с темой свободных и демократических выборов, что подготавливает почву для дальнейшего диалога. Ответ интервьюируемого эмоционально окрашен и содержит метафорические элементы: *«Конечно, для меня все было внове. Естественно, я просто трепетала, поскольку сидела во втором ряду. Рядом Сахаров и Собчак ходит, и Афанасьев, и многие другие звезды, которые вдруг в одночасье зажглись. Конечно, для меня все это было очень интересно».*

Второй вопрос уточняющий — своим вопросом он ставит перед собой задачу внести ясность в отношении принципиальной разницы между референдумом и общероссийским голосованием. Ответ носит сугубо информационный характер: *«В ныне действующей Конституции нет понятия референдума. Есть понятие — всенародное голосование. Потом был принят специальный закон о референдуме. Те поправки, что Президент предложил, это был небольшой пакет вначале. Они не затрагивали ни первую статью, ни вторую, ни девятую. Поскольку не были затронуты эти базовые статьи, то не было основания созыва конституционного собрания. Конституционное собрание собирается по специальному закону, которого до сих пор нет. Конституционное собрание оставляет Конституцию в неизменном виде, или они сами пишут новую Конституцию. Далее они решают, они сами принимают новую Конституцию или выносят на всенародное голосование. У нас сейчас общероссийское голосование и это не одно и то же, поскольку предложенные Президентом поправки не требуют такой процедуры».*

Третий вопрос восходит к обыгрыванию и последующей экспликации метафоры «комплексный обед». Интервьюируемый, используя прием защитной реакции, поясняет, что соответствующее сравнение изначально предложено другим человеком: *«Авторство по сравнению Конституции с комплексным обедом принадлежит не мне. Это употребил журналист Ванденко. Он вел один из «круглых» столов, и в его вопросе было это риторическое сравнение. Каюсь до сих пор, долго и нудно отвечала. Какой вопрос, такой и ответ. Точно не я придумала это сравнение...».*

Ответ на следующий далее вопрос об «иностранных представителях» {термин употреблен в эфире В. Познером; имеются в виду иностранные (международные) наблюдатели — Авт.}, которые следят за ходом голосования, имеет информационный характер и демонстрирует открытость к взаимодействию со стороны интервьюируемого: *«На общероссийском голосовании нет обязательств по международному наблюдению, поскольку не подпадает под международные договоры. Но это не исключает приезда экспертов. Общественная палата пригласила более полусотни экспертов. Будем рады, все расскажем и покажем».*

Наполненным специфическими лексемами и интонациями, адаптируемыми к восприятию массовым сознанием, выглядит ответ на вопрос о предположении количества людей, ознакомившихся с содержанием всех

206 поправок: *«Люди, кто хотел, тот мог ознакомиться. Много доступных информационных ресурсов. В целом, не могу сказать, я не знаю. Те, что проголосовали «за», они увидели главное, то что их зацепило. Думаю, самое главное поняли и те, кто будет голосовать «за», и те, кто — «против».*

В ответе на вопрос об оценке пакета поправок, выносимых на голосование интервьюируемый вновь прибегает к защитной реакции и, приводя соответствующее обоснование, переводит заданный вопрос на другого адресата, не задействованного в анализируемом коммуникативном событии: *«Мне бы не хотелось, чтобы меня обвинили в агитации, давать оценку, в целом, этому пакету...».*

Ответ о предполагаемой явке на общероссийское голосование не отличается конкретикой и дается в общем виде: имеет характер рассуждения и в то же время не содержит директивы: *«...На этом голосовании закон не предполагает порога явки. Я точно знаю, что со стороны политического руководства нет желания создавать и регулировать искусственно явку. На мой взгляд, как человека и гражданина, это должно быть свободное волеизъявление. Активным, кто придет, им спасибо. А остальные — их право не приходится».*

Наполненным метафорическими элементами и фразеологизмами выглядит ответ на острый и провокативный вопрос интервьюера о вероятности использования административного ресурса для стимулирования электоральной активности в регионах: *«Все время этого боимся и опасаемся. Со своей стороны, стараюсь, чтобы этого не было. Дискредитирует процедуру голосования, не дай бог. Президент об этом сказал «никаких накруток явок быть не должно». Никому это не надо. Это только вред приносит. Из серии «дурака не заставляют, а он все равно лоб расшибает». Надеюсь, что в этот раз нас это пронесет».* Примечательно, что интервьюируемый начинает отвечать на вопрос интервьюера, даже не дослушав его до конца, что свидетельствует о применении им тактики упреждения удара.

Метафоры активно используются интервьюируемым при ответе на вопрос о причинах и мотивации неучастия избирателей в общероссийском голосовании: *«Я думаю, что будет больше тех, кому все равно и наплевать. Активной оппозиции, ее не так много, это хорошо. Ко мне обращались правозащитники. Я убеждена в том, что я делаю. Президент в 2016 году мне поставил задачу оздоравливать избирательную систему, приводить в современный вид. Я, как локомотив, вопреки давлению иду. Общество созревает, общество развивается. Я уважаю людей с иной точкой зрения, убежденных, честных, открыто отстаивающих свои убеждения. Зарабатывание денег на элементарных дискредитациях неприемлемо».*

В ответе на вопрос интервьюера о влиянии фейков на уровень и характер электоральной активности в период общероссийского голосования прослеживается уверенность, отмечается не только факт признания объективно

существующей проблемы, но и говорится о шагах, применяемых в части нейтрализации имеющегося негативного явления: *«Конечно, они влияют. Одно дело, когда убежденные люди объясняют, почему они против и другое, когда публикуется постановочное видео. В комиссиях много представителей разных партий, это люди со своим мнением. Так просто Памфилова скандовала, нарисуйте 100 процентов, это нереально. Невозможно. За эти четыре года мы вывели избирательную систему в прозрачное поле. Конечно, волнует. Я знаю, что это хорошо спланированная, подготовленная акция. Каждый день идут провокации. На войне, как на войне. Это их право. Наше право — отвечать, бить аргументами, фактами и разоблачать. Я говорю о тех, кто осознанно дискредитирует и публикует ложную информацию. Самое грубое — это полуправда. Нам приходилось в первый день опровергать голосование на багажниках. Это просто машина стояла и производилось традиционное голосование на дому. Таким способом создается информационный поток. Сейчас мы научились перехватывать это. Проблема есть, мы с ней справляемся, люди нас слышат».*

Однозначными в семантическом отношении лексемами наполнен ответ на вопрос о способностях граждан сделать правильный выбор: *«Противоречия нет. Народ образован. В сложных ситуациях, в важнейших ситуациях для жизни страны люди разбираются».*

При ответе на вопрос интервьюера *«...Вы отвергаете обвинения ЦИК РФ в агитации. У представителя власти должна сформироваться психология не временищика, а человека, ответственного за настоящее и будущее страны. Вот за это я лично пойду голосовать. Это ваши слова, ведете ли вы агитацию? Вы фактически призываете голосовать за один из пунктов. Есть известные люди, которые на телевидении призывают голосовать за Конституцию. На телевидении не выступают известные люди с другими призывами. Это не агитация?»* интервьюируемый уходит от дискуссии и принимает позицию интервьюера: *«Это мое отношение, мои слова. Да, согласна, это — моя позиция по этому вопросу. Принимаю, каюсь, вы правы. Закон о голосовании не регулирует агитацию. Поэтому каждый как может поступает. Что делает ЦИК. В наших роликах есть только — почему я считаю важной эту поправку. Наша позиция и функция — разъяснять людям поправки и их важность. Мы считаем, что грань не перешли. Но появились фальшивые листовки с логотипом ЦИК России, письма. Здесь мы ничего сделать не можем, поскольку не регулируется законом».*

Консенсус интервьюируемого и интервьюера наблюдается и при ответе на вопрос о смысле поправок. Так, фраза интервьюера *«Говорят, что смысл поправок — это желание Путина продлить свой срок. Я с этим не согласен, у него есть иные более простые способы»* комментируется интервьюируемым следующим образом: *«Я с вами согласна, Владимир Владимирович не поэтому*

предложил поправки, и это очевидно. Это значит, не знать и не понимать его. Поправки уже приняты, это известно. Я так не думаю. Я так не считаю».

Ответ на вопрос интервьюера «Мой коллега — Павел Лобков показал возможность проголосовать дважды. Он показал проблему, ему надо сказать спасибо. Вы называете это провокацией. Павел Лобков — не провокатор. Почему вы считаете это провокацией?» содержит опровержение со стороны интервьюируемого: «Я не называла лично Павла. Но с другой стороны его действия носили определенный провокационный характер. Это можно было сделать по-другому и это — действительно долг журналиста. Но были и другие случаи, когда член УИК под давлением члена вышестоящей комиссии выдавал второй бюллетень для голосования. Насчет голосования дважды. Можно делать такие попытки, но будет остановлено. Хорошо, что электронное голосование проводится только в двух субъектах. Мы к этому не готовы. В силу принятого закона мы допустили только два региона, исходя из готовности. Разрешено дистанционно голосовать по 30-е число. В это время будут сверены все списки и точно выловлены все попытки двойного голосования. Ни один случай двойного голосования не пройдет. **Напомню, что нигде Павла Лобкова я провокатором не называла.** Мы приветствуем помощь, но форма также имеет значение».

Констатирующий и уверенный характер приобретает дискурс при ответе на вопрос, в чем уникальность общероссийского голосования: «Это была инициатива Президента, для него это очень важно. Как народ скажет, так и будет. Поправки уже подписаны и приняты конституционным большинством. Если народ скажет нет, то все останется и поправки не войдут в действие. В этом уникальность».

Метафорические элементы снова проникают в дискурс при ответе на заключительный вопрос интервьюера: «Я не сделала за эти четыре года ничего постыдного. Кто бы что ни говорил. Ни я, ни мои коллеги не пошли ни разу против закона и совести. Идем как локомотив, делаем гигантские шаги. Наши зарубежные коллеги это видят. Проблемы есть, ментальность, люди. Тысячу раз было желание уйти со своей должности».

**Интервью с Э.А. Памфиловой / Добров в эфире.
Выпуск от 28.06.2020 / РЕН ТВ**

Интервью фрагментарно встроено в сюжет информационно-аналитической программы «Добров в эфире», посвященный общероссийскому голосованию, его содержание концентрируется вокруг двух тем.

Первая тема — это оценка мощности и последствия DDOS-атаки, которой подвергся официальный сайт ЦИК России. Комментарий интервьюируемого содержит фразеологизмы, а дискурс отличается уверенностью: «Такие

атаки проводятся постоянно. Мы уже к этому готовы. Готовы всегда, и не только к труду, но и к обороне.... Очень мощная атака. Нет. Эта жалкие попытки никому не удадутся. Они не увенчались успехом так же, как и в прошлые кампании и президентскую. Это целенаправленные атаки, нас бьют не только DDOS-атаки, но и по всем направлениям».

В дальнейшем освещаются сюжеты, связанные с деятельностью «Движения в защиту прав избирателей «Голос», активисты которого пытались организовать кампанию по дискредитации общероссийского голосования. На вопрос об участии наблюдателей от несистемной оппозиции в процессе проведения общероссийского голосования звучит ответ, сигнализирующий об открытости интервьюируемого: *«Все, кто хотел, никого не отвергли. Но трудно сейчас судить, потому что давно знаю, что некоторые кто громко кричал и сетовал, что их не пускают. Я взяла это под личный контроль, вот пофамильно. Мы оформили всем направления. Им сказали, что в общественной палате направления лежат, приходите. Это именные направления. Я просто уже перечисляла фамилии этих людей. Еще раз призываем, приходите».*

***Интервью с Э.А. Памфиловой / Центральное телевидение.
Выпуск от 20.06.2020 / НТВ***

Интервью встроено в сюжет информационно-развлекательной программы «Центральное телевидение», посвященный общероссийскому голосованию. Ответы интервьюируемого на вопрос по поводу голосования на дому, в том числе и для тех, кто боится выходить из дома из-за опасений угрозы распространения коронавирусной инфекции (*«Интересно, кто боится? Сейчас как глянешь на улицу, все парки заполнены, люди ходят. Но если уж кто-то ну очень боится, да, есть такая возможность. Ему не надо объяснять причину, ему достаточно позвонить в УИК и сказать, уважаемые члены УИК, я бы хотел проголосовать дома. Бюллетень он опустит в ящик, который стоит у двери»*), а также на вопрос о тестировании членов УИК на COVID-19 (*«Обязательно. Есть существенный резерв. Не открою вам секрет, если скажу, что желающих работать в комиссии достаточно много. У нас есть резерв. Конечно, мы будем проводить предварительное тестирование, но не поголовное. Где необходимо — тотальное, где такой необходимости нет — локальное, в зависимости от региона или от возраста членов комиссии, скажем за 60. Каждый субъект, исходя из своей ситуации и на основе рекомендаций медицинских служб принимает то решение, которое должно обеспечить полную безопасность. Если, не дай бог, заболел член комиссии, а мы предварительно все меры безопасности принимаем для того, чтобы он не стал очагом заражения, то конечно замена у нас есть»*) эмоционально выражены, информационно наполнены и соответствуют стилистике программы.

Выводы

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам с учетом поставленных цели и задач.

В зависимости от ситуации, характера вопроса и формата интервью, интервьюируемый использует широкий спектр тактических приемов, подразумеваемых выявленными нами адаптированными вариантами стратегий дискурса и демонстрирует свою способность к ситуативной трансформации модели коммуникативного поведения.

Субъектом коммуникативного процесса умело подбираются лексические единицы, метафоры и фразеологии, используемые для убеждения, достижения результата, создания эмоционального настроения, укрепления своего авторитета, на основании чего дискурс можно квалифицировать как продуктивный.

С учетом того, что публичные высказывания государственного деятеля направлены на внесение когнитивных изменений в картину мира адресата и трансформацию системы ценностей последнего, исследовательская гипотеза находит свое подтверждение, поскольку опосредованным образом продуктивность дискурса государственных деятелей, олицетворяющих избирательную систему, влияет на уровень и характер электоральной активности.

Список литературы

1. Герасимова С.А. Телевидение как средство формирования и управления общественным сознанием // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2007. № 2 (26). С. 143–148.
2. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ: теория и практика / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.
4. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
5. Клюев Ю.В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. М.; Берлин: Директ-Медиа. 2016. 263 с.
6. Рябова А.Л. Современные тенденции политического дискурса. Новый политический словарь // Международные отношения и диалог культур. 2017. № 5. С. 107–114.
7. Мингалева О.В. Воздействие посредством метафоры в политическом дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 1 (28). С. 82–87.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 431 с.

9. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 260 с.
10. Чашина А.М. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 60–62.
11. Романенко А.В. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2017. № 7. С. 69–78.
12. Цурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 98–108.
13. Иньиго-Мора И., Делиджорджи К. Стратегия уклонения в политическом интервью: анализ телевизионных интервью Тони Блэра // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 78–90.
14. Иньиго-Мора И. Политическое телеинтервью: нейтралитет и провоцирование // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 33–38.
15. Михалева О.Л. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.
16. Аكوпова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 403–409.
17. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: «Гарант», 2015. 52 с.
18. Стрельникова М.А. Специфика современного российского политического телеинтервью как речевого жанра // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 1. С. 58–61.